

Научная статья

УДК 343(470)(091)

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(4).539-547

EDN AARNUW



Концепция совместного совершения преступления в праве России конца XVIII – середины XIX века в аспекте естественно-правовых воззрений

Эдуард Викторович Георгиевский

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
georgcrime@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8811-937X>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается генезис института совместного совершения преступления в русском уголовном праве дореволюционной эпохи. Установлено, что институт уходит своими корнями в первые естественно-правовые научные воззрения. Особенностью этих взглядов, наряду с другими, являлся и тот факт, что любая личность не только индивидуальна и универсальна, но и самодостаточна, в том числе в вопросах уголовной ответственности. Однако совместность при совершении преступления преимущественно рассматривалась по отношению к войне. Это было коллективное преступное деяние коллективных единиц, ответственность за которое лежит не только на верховной власти, инициирующей решение о ее развязывании, но и на народе, принимающим это решение и воплощающим его в жизнь. Даже рассматривая проявления совместного совершения частных преступлений, сторонники естественно-научной школы прежде всего среди возможных соучастников выделяли лиц, способных влиять на волю и сознание других людей, быть инициаторами и организаторами преступлений. Естественно-правовые взгляды отражались на уголовно-правовых конструкциях, которые первыми российскими исследователями строились либо исключительно на трактовке свободы воли и чистого разума, либо интерпретировались через призму не только естественно-правовых взглядов, но и при несомненном влиянии на них норм положительного законодательства. Работам представителей естественного права, рассматривавшим проблемы совместного совершения преступления, был свойственен вполне прагматичный подход, выразившийся не только в исследовании возможных вопросов совершения преступления «коллективными единицами», но и в обязательном возмещении ущерба, причиненного такими преступлениями. Хотя в ряде случаев представители школы естественного права отмечают невозможность привлечения к уголовной ответственности «коллективных единиц» в силу отсутствия надлежащих судей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

совместное совершение преступления, соучастие, естественно-правовые воззрения, посредственное причинение, преступления коллективных единиц, возмещение ущерба

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Георгиевский Э.В. Концепция совместного совершения преступления в праве России конца XVIII – середины XIX века в аспекте естественно-правовых воззрений / Э.В. Георгиевский. – DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(4).539-547. – EDN AARNUW // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 4. – С. 539–547.

Original article

The concept of joint commission of a crime in Russian law of the late XVIII – mid XIX centuries in the aspect of natural legal views

Eduard V. Georgievsky

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

georgcrime@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8811-937X>

ABSTRACT

The article examines the genesis of the institution of joint commission of a crime in Russian criminal law of the pre-revolutionary era. It has been established that the institute has its roots in the first natural-legal scientific views. A feature of these views, along with others, was the fact that any person is not only individual and universal, but also self-sufficient, including in matters of criminal liability. However, compatibility in the commission of a crime was mainly considered in relation to the war. It was a collective criminal act of collective units, the

© Георгиевский Э.В., 2024

responsibility for which lies not only with the supreme power, which initiates the decision to unleash it, but also with the people who make this decision and implement it. Even considering the manifestations of the joint commission of private crimes, supporters of the natural-scientific school, first of all, among possible accomplices, singled out persons capable of influencing the will and consciousness of other people, and capable of being the initiators and organizers of crimes. Natural legal views were reflected in criminal legal constructions, which were built by the first Russian researchers either exclusively on the interpretation of free will and pure reason, or were interpreted through the prism of not only natural legal views, but also with the undoubted influence of positive legislation on them. The works of representatives of natural law, which considered the problems of joint commission of a crime, were characterized by a completely pragmatic approach, expressed not only in the study of possible issues of committing a crime by «collective units,» but also mandatory compensation for damage caused by such crimes. Although in some cases, representatives of the school of natural law note the impossibility of criminal prosecution of «collective units» due to the lack of proper judges.

KEYWORDS

joint commission of a crime, complicity, natural law views, medium causation, crimes of collective units, reparation of damage

FOR CITATION

Georgievsky E.V. The concept of joint commission of a crime in Russian law of the late XVIII – mid XIX centuries in the aspect of natural legal views. *Akademicheskiiyuridicheskiiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2024;25(4):539–547. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(4).539-547. EDN: AARNUW.

Введение

В современном уголовном праве России все более очевидным становится положение о том, что законодательным определением соучастия, предусмотренным статьей 32 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), не охватываются все возможные случаи совершения преступления совместно несколькими лицами. Сегодня осуществляются попытки сформулировать более широкое понятие – совместное совершение преступления как причастность одного или нескольких лиц, хотя бы один из которых обладает признаками деликтоспособности к совершению одного или нескольких, взаимосвязанных между собой преступлений. Замечали эту закономерность и русские исследователи в области уголовного права дореволюционного периода, часть из которых пыталась именовать эту совместность как «стечение нескольких лиц в совершении преступления». Первые же теоретические упоминания об этом юридическом явлении встречаются, по нашему мнению, в работах представителей школы естественного права.

Идеи школы естественного права, возникшие еще во времена античности, и давшие толчок развитию правовой науки в целом и уголовно-правовой науке в частности, были одними из первых, проникших в Россию. Естественные-правовые воззрения были неоднородны, противоречивы, что не служило единству содержания естественного права на всем протяжении его развития. Рассматривалось естественное право как система норм, существующих от природы, помимо воли

законодателя, а источник права находится во внутреннем сознании отдельных лиц или общественных групп. Несмотря на неоднородность идей школы естественного права, практически все исследователи сходились во мнении, согласно которому нормы естественного права являются обязательными, а их обязательность основана на авторитете вследствие их разумности [1].

Идеи школы естественного права привносились на российскую почву извне и в чистом виде, и в виде своеобразного синкретизма естественно-правовых воззрений и обобщений положительного права, что, в свою очередь, порождало очень своеобразные конструкции права уголовного, отражавшиеся, в том числе на учении о совместном совершении преступления. Вот что по этому поводу писал Г.С. Фельдштейн: «Русская юриспруденция, всегда черпавшая щедро рукой на Западе, не могла не отразить всех этих колебаний, и наша научная литература начала XIX в. представляет более или менее полно все эти течения. Мы встречаемся вместе с тем с естественно-правовыми конструкциями в чистом виде и системой уголовно-правовых понятий, черпающих свои посылки в чистом разуме и его логических заключениях... Наконец, на нашей уголовно-правовой литературе не могло не сказаться и то течение, которое ставило естественное право в связь с положительным и давало естественно-правовые конструкции, заимствованные на Западе, стоящие в том или другом отношении к положительному праву» [2, с. 364]. В настоящей работе мы рассматриваем только тех представителей школы естественного права, в трудах которых есть упоминания о совместном совершении преступления.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Основная часть

Одними из первых трудов, переведенных еще при Петре Великом, были работы Г. Гроция «О праве войны и мира» и С. Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина» (в других переводах «О долге человеческом и гражданском»). Оба автора являлись представителями школы естественного права, которое на Западе с большим трудом пробивало себе дорогу сквозь закостеневшие законы феодальной юстиции, игнорировавшие естественные права человека и, в частности, уравнивавшие ответственность всех соучастников преступления, независимо от характера и степени участия в совершенном преступлении.

В работе Г. Гроция совместное совершение преступления подразумевалось прежде всего как форма совершения массового преступления — неоправданной (несправедливой) войны. При этом бремя возмещения причиненного ущерба лежит не только на тех лицах, кто непосредственно этот ущерб причинил, но также и на тех, кто этому способствовал [3, с. 154]. Более того, согласно точке зрения Г. Гроция, вина за совместно совершенное преступление верховной властью и подданными может переходить друг на друга, когда подданными дается согласие, а преступление совершается по приказу верховной власти [4, с. 514].

Более подробно вопросы совместного совершения в преступлениях частного характера Г. Гроций рассмотрел в главе XVII «Об ущербе, причиненном правонарушением, и о возникающем отсюда обязательстве». В параграфе 6 автор говорит не только о тех, кто сам лично и непосредственно причиняет ущерб и кто при этом является главными соучастниками, но и о тех, кто совершает действия или воздерживается от них, но является при этом соучастниками второстепенными. Главных соучастников Г. Гроций в своей работе больше не рассматривает, видимо, в силу очевидности их ответственности. А вот по отношению к соучастникам второстепенным выстраивает очень сложную иерархию.

Второстепенные соучастники могут быть разделены на две группы. Первая группа — это те, кто является второстепенными соучастниками, участвующими в совершении преступления путем положительного действия. Такие соучастники, в свою очередь, также разделяются на главных и второстепенных. Второстепенные, но при этом главные в своей второстепенности, — это те, кто распоряжается, кто дает требуемое согласие, кто доставляет полученное или соучаствует иным

способом в совершении самого преступления. Второстепенные, но не главные соучастники — те, кто подает совет, подстрекает или сочувствует.

Второстепенные соучастники, совершившие преступление путем воздержания от совершения действий, также делятся на главных и второстепенных. Второстепенные бездействующие и главные — это те, кто обязан был действовать в силу права, приказа, должности или должен был оказывать помощь тому, против кого совершается преступление. Второстепенные бездействующие и не главные — те, кто должен был отговаривать, но не сделал этого, либо те, кто промолчал о совершенном преступлении, хотя должен был о нем сообщить.

Собственно, выстраиваемая Г. Гроцием иерархия второстепенных соучастников неслучайна. Вопросы привлечения их к уголовной ответственности мыслителем также решаются в строго определенной последовательности. Первыми подлежат ответственности те, кто, пользуясь своей властью или иным путем, побудил кого-либо к совершению правонарушения. Затем ответственности подлежат те, кто преступление подготавливал, а затем и все остальные, при условии, что деяние совершено всеми ими совместно [4, с. 422]. И совершенно логично предположить, что подобный же подход прослеживается у мыслителя в главе 21 «О распространении наказаний», где Г. Гроций делает оговорку, что все те правила, которые распространяются на соучастие в правонарушении, применимы и к соучастию в наказании. «Следовательно те, кто повелевает совершить преступное деяние, — пишет далее Г. Гроций, — кто дает требуемое согласие, кто помогает, кто укрывает похищенное или участвует иным путем в самом преступлении: подает совет, подстрекает, одобряет, кто не воспрещает, когда по праву в собственном смысле обязан воспретить, или кто по такому же праву обязан оказать помощь потерпевшему и не окажет таковой, кто не отсоветует, когда следует отсоветовать, кто скроет содеянное, о чем должен был по закону сообщить, — все такие лица могут быть наказаны, если они повинны в злодеянии, которое достаточно для того, чтобы повлечь за собою наказание...» [4, с. 506].

Будучи одним из основоположников теории естественного права, С. Пуфендорф все законы, на основе которых существует человеческое общество, делил на две группы: по происхождению на законы «божественные» и законы «человеческие», а по содержанию — на закон «естественный» и закон «положительный». При этом закон

«естественный» дарован Богом, а закон «положительный» устанавливается самими людьми. Три принципа (или как их переводили русские переводчики – «три должности»), без которых человек не может жить, были следующие: а) не обидеть другого; б) почитать другого как самого себя; в) чтобы каждый о пользе другого и ее приумножении беспокоился [5, с. 83].

Рассуждает С. Пуфендорф и об уголовном праве и, в частности, о совместном совершении преступления. В своей работе ученый закладывает начальные основания понимания уголовного права, рассуждая, в том числе о правилах действий человеческих не только в отношении выполнения установок закона, но и с точки зрения совершения преступлений. Будучи солидарным с точкой зрения Г.С. Фельдштейна, С. Пуфендорф говорит «о преступлениях коллективных единиц» [2, с. 63]. «А яко к восприятию обязательства человек способен, двоякая сего вина есть, – пишет С. Пуфендорф, – Первая: что человек волю имеет, которая к разным вещам склонна есть, того ради и к правилу может пристати. Вторая: понеже человек от власти начальствующего не свободен есть; ибо где делающего силы по естеству к единообразному некоему действию суть призваны, там несвободное есть действие...» [6, с. 34]. То есть достаточно четко С. Пуфендорф высказывался об исполнителе преступления, чья воля в совершении преступления должна быть абсолютно свободной. Если исполнитель не был свободен в принятии решения о совершении преступления, то такое деяние ему предписано быть не может [Цит. по: 7, с. 119]. Данное поведение, очевидно, можно рассматривать в контексте посредственного причинения, и причина подобного подхода также является вполне объяснимой – она вытекает целиком из естественно-правовых воззрений С. Пуфендорфа.

Нужно заметить, что обращение Г. Гроция и С. Пуфендорфа к войне, как к преступлению коллективных единиц, само по себе было не ново. Как полагает, например, А.С. Шляпников, именно посягательства извне и составляли практически единственную и основную социальную опасность для древних догосударственных образований. Бесконечные междуродовые войны являлись и основным тормозом в развитии общественных отношений [8, с. 7–8]. Неудивительно, что и в период средневековья этот подход продолжал оставаться приоритетным и соответствовал времени [2, с. 63].

Одним из представителей школы естественного права в России являлся Ф.Г. Штрубе де Пирмонт, профессор юриспруденции и поли-

тики Санкт-Петербургской академии наук. По справедливому замечанию А.И. Чучаева, в теоретическом наследии Ф.Г. Штрубе де Пирмонт не было работ, имеющих отношение к области уголовного права [9, с. 430]. Однако в творческом пути Ф.Г. Штрубе де Пирмонта есть один, на наш взгляд, очень важный факт – с 1754 года он являлся членом Уложенной комиссии. В состав Комиссии, кроме него, входили также генерал-майор Дивов, главный судья Судебного приказа Безобразов, Председательствующий Сената Глебов и др. Но именно Ф.Г. Штрубе де Пирмонт был единственным представителем Академии наук. Мы рискнули бы предположить, что вопросами научной обработки материала занимался именно он, а значит, вполне вероятно его непосредственное участие в составлении положений Проекта 1754 года (далее – Проект), касающихся вопросов совместного совершения преступления.

В Проекте, в частности, говорилось о возможности бунтовщику словом и делом, о найме, приказе и наущении в отношении убийцы, о сообщничестве в воровстве. Кроме того, предусматривались и случаи прикосновенности к преступлению в форме предоставления пристанища, укрывательства разбойников, приобретения и сбыта предметов, добытых преступным путем. Не будучи изложены в какой-либо обобщающей части Проекта, положения о совместном совершении преступления сопутствовали практически всем более или менее значимым главам части особенной, в которой предусматривалась ответственность за различные посягательства [10].

В 1770 году в России был переведен с латинского труд немецкого правоведа Д. Неттельбладта под названием «Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, приравненное к употреблению основания положительной юриспруденции». В Титуле 4 «Об участии действий» в нескольких коротеньких параграфах Д. Неттельбладт пытается формулировать некоторые положения, относимые, в том числе к совместному совершению преступления. Дается понятие виновника как лица, которое «сам оное сделал». Те, кто «оное» тоже сделали, именовались совиновниками. Товарищем именовался тот, кто своими действиями что-либо присоединяет к действию другого, либо тот, кто в действии другому помогает. Употребляется и термин «советующий». А в параграфе 409 ученый говорит о «сообщниках в преступлении» [11, с. 27, 180].

Еще одно имя, о котором необходимо упомянуть, – Ф.-Г. Дильтей, являвшийся профессором Юридического факультета Московского

университета, который с 1756 года читал, в том числе курс естественного права. Его перу принадлежит работа под названием «Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте...», в которой он, в частности, упоминает о ситуации, связанной с совместным совершением преступления. В параграфе 15 своего исследования, рассуждая о преступлениях, которые может совершить судья, ученый говорит о следующей ситуации. Если кто-либо именем судьи и без его ведома возьмет взятку для себя, то должен быть наказан кнутом и возратить все втрое в Государственную казну. Но если судья получает взятку через третье лицо, то считается, что он сам взял [12, с. 91]. В этом случае очевидно, что речь идет о посредничестве во взяточничестве, которое в то время рассматривалось не как самостоятельное преступление, а как соучастие в виде пособничества. Курс уголовного права, который читал Ф.-Г. Дильтей, основывался на произведениях С. Пуфендорфа и Д. Неттельбладта.

«Систему Неттельбладта» излагал в своем преподавании уголовного права и К. Лангер, сменивший Ф.-Г. Дильтея в Московском университете в 1764 году [13, с. 9]. К. Лангер читал в университете курс естественного и народного права. Собственно, и в трудах К. Лангера о совместном совершении преступления не так много упоминаний. В одной из работ ученый рассуждает о ситуации, связанной с посредственным причинением. Рассуждая о том, что деяние не может считаться преступным, К. Лангер перечисляет подобные случаи. К ним он относит ситуацию принуждения к совершению преступления [14, с. 15].

Еще один представитель немецкой науки уголовного права Л.Г. Якоб, являвшийся членом Российской Императорской комиссии по составлению законов Комиссии, был приглашен для составления Уголовного уложения в 1806 году. Имя Л.Г. Якоба связано с российским Проектом уголовного уложения 1813 года. (далее – Проект 1813 года). Л.Г. Якоб, как отзывался о нем И.Я. Фойницкий, был «кабинетным чиновником – систематиком с предвзятыми общими началами естественного права, с большим запасом юридической эрудиции того времени, выражавшейся в знакомстве со многими кодексами без знания исторических основ каждого из них» [15, с. 63].

В Проекте 1813 года говорилось о том, что прикосновенные виновники и участники преступления могут быть трех видов. Во-первых, речь шла о зачинщиках преступления, производителях (очевидно, исполнителях), укрывателях, а также о тех, кто к совершению преступления

принуждал, подговаривал или подкупал, т.е. подстрекателях. При этом если зачинщик или производитель осуществляли подстрекательство путем подговора или принуждения, то этот факт рассматривался как обстоятельство, отягчающее наказание [16, с. 74]. «Зачинщики онаго, производители и укрыватели, также те, кои других к тому принуждали, или уговаривали, или подкупали»².

Во-вторых, выделялись вспомогатели (пособники), которые содействовали совершению преступления советами, подущением или каким-либо иным образом способствовали совершению преступления. «Вспомогатели, которые содействовали или советом, или подущением, или другим каким образом заведомо способствовали к совершению преступления. Также и те, которые хотя и не имели предварительного сведения о преступлении, но, когда оно уже учинено, укрыли его для пользы, которую или получили или ожидали»³.

Нужно отметить, что в качестве одного из обстоятельств, существенно уменьшающих вину, упоминалась степень обольщения или обмана хитрыми наущениями подстрекателя. Кроме того, к пособникам приравнивались укрыватели, которые совершали укрывательство без заранее данного обещания, но получившие вознаграждение за такое укрывательство или ожидающие вознаграждения.

В-третьих, речь шла о сведущих (недоносителях), которые имели обязанность и возможность донести о преступлении, но не сделали этого. «Сведущие о преступлении, которые имев обязанность и способ донести об оном, не сделали сего».

Что касается общих вопросов ответственности соучастников и прикосновенных к совершению преступления, то Проект 1813 года устанавливал общие основания уголовной ответственности. В нем говорилось, что все участвовавшие в каком-либо преступлении, отвечают «каждый за всех и все за каждого и именем своим, и в оплате денежных штрафов» [16, с. 71].

О совместном совершении преступления упоминалось и в Особенной части Проекта 1813 года. Обращает на себя внимание тот факт, что в Проекте укрыватели и недоносители объединяются одним общим термином – прикосновенные к преступлению. Второе – это то, что, действительно,

² Проект Уголовного Уложения Российской Империи. Ч. 1: Основания уголовного права; Ч. 2: О наказаниях за государственные и общественные преступления; Ч. 3: О наказаниях за частные преступления: [Составлено в Комиссии для составления законов]. Санкт-Петербург : Печатано при Сенатской Типографии, 1813. С. 7.

³ Проект Уголовного Уложения Российской Империи. С. 7–8.

и прикосновенные к совершению преступления, и соучастники преступления в такой классификации не разделены между собой.

Предвзятость Л.Г. Якоба по отношению к началам естественного права, как и говорил о нем Г.С. Фельдштейн, в полной мере отразилась в другой его работе – курсе естественного и народного права. Среди существенных прав человека исследователь выделяет три главнейших: а) право человека на свою личность; б) право человека на свою внешнюю свободу; в) право человека на равенство своих прав с правами других. Право человека на свою личность Л.Г. Якоб оговаривает особо. Каждый человек имеет право быть только самому себе целью. Иными словами, каждый имеет право распоряжаться волевым образом лишь в отношении самого себя [17, с. 15]. А далее ученый утверждает, что никто не имеет право поступать с другим человеком «как с простым средством». Использование же воли другого лица, с его согласия, в том числе для совершения преступления, не исключает ответственности привлеченного к совершению преступления. «Если кто-либо согласится на то, чтобы другой употреблял его для своих видов: то с таким не поступается как с простым средством, а поступается по собственной его воле» [17, с. 16]. Однако в каких конкретно случаях такое могло быть, Л.Г. Якоб в своем курсе не указывает.

Полагаем уместным в настоящей работе упомянуть и о российских исследователях, являвшихся представителями школы естественного права. Один из них – профессор Московского университета Л.А. Цветаев. Г.С. Фельдштейн считал его одним из проводников идей школы естественного права в России [2, с. 364]. Рассуждая в своей «Краткой теории законов» [18, с. 6] об обстоятельствах, исключаящих вину лица, Л.А. Цветаев говорит о том, что нет преступления там, где нет свободы в действии в силу принуждения и насилия. Совершенно очевидно, что Л.А. Цветаев в данном случае имеет в виду ситуации, называемые на языке современного уголовного права посредственным причинением. Необходимо отметить, что Л.А. Цветаев говорит о посредственном причинении и в главе 5 «Об удовлетворениях», где утверждает, что «всякий за себя ответ держать должен», за исключением ситуации, когда воспользовавшийся преступлением должен отвечать за «учинившего оное» [18, с. 72].

В параграфе 8 е первой главы «О преступлениях и о наказаниях вообще» исследователь утверждает, что преступление будет, помимо всего

прочего, и там, где хотя и нет участия в самом действии, но есть участие в произведении оного. Л.А. Цветаев, таким образом, утверждает, что наказанию должны подлежать не только действия исполнителей и соисполнителей, но и действия иных соучастников, принимающих участие в совершении преступления. Но при этом автор утверждает, что участие в совершении преступления по степени общественной опасности менее важно, нежели непосредственное выполнение его объективной стороны. А в параграфе 13 е, опять-таки исходя из степени общественной опасности действий, ученый рассуждает о большей значимости замысла на совершение преступления и его начинания, чем остальных действий соучастующих лиц. Добровольное признание в совершении преступления и «открытие» других его участников должно рассматриваться как обстоятельство, облегчающее тяжесть преступления [18, с. 7–8]. Важность преступления, по мнению ученого, определяют также различные отношения к различным предметам, среди которых упоминаются отношения случайные и, в частности, количество виновных и обширность заговора [18, с. 41].

В более поздней своей работе «Начертание теории законов» Л.А. Цветаев фактически повторяет все те же положения, что и в «Краткой теории законов». Так, в главе 1 «О преступлениях и наказаниях вообще» исследователь пишет: «Где не было хотя участия в самом действии преступления, но только в произведении оного, там есть преступление; однако вообще участие в преступлении менее важно, нежели само преступление» [19, с. 255].

Представляет интерес в аспекте рассматриваемой нами темы работа профессора Царско-сельского лицея А.П. Куницына. Преподававший курс естественного права, А.П. Куницын уделяет внимание вопросам уголовного права, ограничиваясь, однако, при этом рассмотрением лишь общих положений. Анализируя понятие умышленной формы вины, даваемое А.П. Куницыным, Г.С. Фельдштейн приходит к выводу о том, что при таком узком ее понимании исключается возможность умышленной деятельности при соучастии [2, с. 271]. Не оспаривая данных выводов, мы, тем не менее, рискнули бы предположить, что в своей работе А.П. Куницын все же касается некоторых вопросов института совместного совершения преступления. В частности, речь идет о посредственном причинении.

Определяя обиду, как преступное деяние, А.П. Куницын различает обиду, совершаемую по

желанию действующего лица, когда целью является нарушение права, и обиду, совершаемую без желания, когда преступный результат наступает на основе механического сцепления с действием. В первом случае речь идет об умышленной форме вины, во втором — о неосторожной. Умышленная форма вины предполагает наличие желания лица и полное употребление разума, т.е. полная свобода воли при совершении умышленного преступления. Если такой свободы воли нет (она ослаблена какими-либо посторонними причинами), то необходимо устанавливать, насколько эти посторонние причины воздействовали на волю лица [20, с. 42–43]. В конечном счете, ответ на этот вопрос и предreshал ситуацию, связанную со вменением. Эти причины, наклоня волю к произведению зла, либо полностью останавливают действие разума, либо уменьшают его. Называются эти причины психологическим принуждением. «Если психологическое принуждение, — пишет А.П. Куницын, — так сильно действовало на разум, что человек мог прийти в самозабвение и только причине онаго учинил противузаконное дело, то он не подлежит вменению» [20, с. 46]. Если под этими самыми причинами А.П. Куницын понимает не только объективные обстоятельства или различные эмоции самого действующего лица, но и преступную волю другого человека, воздействующего на субъект преступления, то в таком случае он фактически рассуждает о посредственном причинении.

Выводы

На рубеже XVIII – XIX века в России уголовное право читается, в том числе как часть курсов естественного права. При этом естественно-правовые воззрения, без сомнения, сказываются на подаче уголовно-правового материала, формируя его объем и характер. В основном внимание уделяется главным уголовно-правовым категориям — преступлению, наказанию, субъекту преступного деяния и его психическому отношению к преступлению. Институты, сопутствующие преступлению, практически не рассматриваются или рассматриваются достаточно поверхностно. Обработка положительного права, отразившаяся в проектных работах, значительно опережает его естественно-правовое обоснование. Что касается института совместного совершения преступления, то он остается в известной степени малоинформативным. Упоминания об основных категориях института фрагментарны и не систематизированы. Речь идет либо о коллективных субъектах совершения преступления, либо о сугубо индивидуальном, личностном подходе, что вполне в духе теории естественного права. Однако, справедливости ради, стоит отметить, что практически все представители естественного права касаются вопросов посредственного причинения, которое выводится ими из невозможности человека отвечать за совершенное преступление в случае, когда воля его блокирована психическим принуждением со стороны другого лица.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) / Е.А. Фролова. — EDN QBJDQT // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2013. — № 2. — С. 71–77.
2. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. — Москва : Зерцало, 2003. — 542 с.
3. Апресян Р.Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» / Р.Г. Апресян. — EDN LHTDCR // Этическая мысль. — 2002. — № 3. — С. 139–165.
4. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. — Репринт с изд. 1956 г. — Москва : Ладомир, 1994. — 868 с.
5. Перевезенцев С.В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа / С.В. Перевезенцев. — EDN SGPFPF // Историческое образование. — 2014. — № 2. — С. 70–88.
6. Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности / сост. А. Ралахов. — Москва ; Петроград : тов-во В.В. Думнов — насл. бр. Салаевых, 1916. — Т. 1. (От Петра I до Карамзина). — 485 с.
7. Хелльманн У. История немецкого уголовного уложения / У. Хелльманн, В.Н. Сатолин. — EDN SSGFSZ // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2019. — № 2. — С. 118–124.
8. Шляпочников А.С. Происхождение уголовного права и его развитие в докапиталистических формациях / А.С. Шляпочников. — Москва : Советское законодательство, 1932. — 36 с.
9. Уголовное право Российской Федерации : проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова. — Москва : Проспект, 2022. — Т. 1. Введение в уголовное право. — 728 с.
10. Проекты Уголовного уложения 1754–1766 годов. Новоуложенной книги часть вторая: О розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / под ред. А.А. Востокова. — Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. — 208 с.

11. Неттельбладт Д. Начальное основание всеобщей естественной юриспруденции, приравненное к употреблению основания положительной юриспруденции / Д. Неттельбладт. — Москва : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1770. — 479 с.

12. Дильтей Ф.-Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном с Генеральным регламентом с Уставом главного магистрата, и с инструкциями городских магистратов, Словесного суда и Гильдии, с Уставом же таможенным старым и новым, их конфирмациями и с инструкцией Коммерц-коллегии со всеми приличными везде указами, сочиненное в пользу учащихся юриспруденции / Ф.-Г. Дильтей. — Москва : Печ. При Имп. Моск. ун-те, 1779. — 152 с.

13. Томсинов В.А. Первый профессор Юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723—1781) / В.А. Томсинов. — EDN RTUKZF // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2015. — № 2. — С. 3—20.

14. Лангер К. Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда и что употребление онаго рассуждать надлежит по различному состоянию гражданств и по намерению, которое в наказании людей иметь должно / К. Лангер. — Москва : Печ. При Имп. Моск. ун-те, 1767. — 26 с.

15. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Общественная польза, 1871. — 289 с.

16. Безверхов А.Г. Проект Уголовного уложения Российской Империи 1813 года / А.Г. Безверхов, В.С. Коростелев. — Самара : Изд-во Самар. ун-т, 2013. — 192 с.

17. Якоб Л.Г. Естественное и народное право для гимназий Российской Империи / Л.Г. Якоб. — Санкт-Петербург, 1817. — 71 с.

18. Цветаев Л.А. Краткая теория законов. Ч. 2 и 3. Содержащие теорию уголовных законов и теорию судопроизводства гражданских и уголовных дел / Л.А. Цветаев. — Москва : Унив. тип., 1810. — 75 с.

19. Цветаев Л.А. Начертание теории законов / Л.А. Цветаев. — Москва, 1816. — 577 с.

20. Куницын А.П. Право естественное / А.П. Куницын. — Санкт-Петербург, 1818. — 164 с.

REFERENCES

1. Frolova E.A. The Theory of Natural Law (Historical and Theoretical Aspects). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2013, no. 2, pp. 71–77. (In Russian). EDN: QBJDQT.

2. Feldshtejn G.S.; Tomsinov V.A. (ed.). *Main Historic Trends of Criminal Law Science in Russia*. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 542 p.

3. Apresian G.G. Jus Talionis in Hugo Grotius' Treaty «On the Law of War and Peace». *Ehticheskaya mysl = Ethical Thought*, 2002, no. 3, pp. 139–165. (In Russian). EDN: LHTDCR.

4. Grotius H. *On the Law of War and Peace*. Moscow, Ladomir Publ., 1994. 868 p.

5. Perevezentsev S.V. The Theory of Natural Law in the Writings of Samuel Pufendorf. *Istoricheskoe obrazovanie = Historical Education, Istoricheskoe obrazovanie = Historical Education*, 2014, no. 2, pp. 70–88. (In Russian). EDN: SGPFPF.

6. Ralakhov A. (ed.). *Historical and literary anthology of the new period of Russian literature*. Moscow, Petrograd, 1916. Vol. 1. 485 p.

7. Hellmann U.1, Satolin V.N. The History of the German Criminal Code. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*, 2019, no. 2, pp. 118–124. (In Russian). EDN: SSGFSZ.

8. Shlyapochnikov A.S. *The origin of criminal law and its development in pre-capitalist formations*. Moscow, Sovetskoe Zakonodatel'stvo Publ., 1932. 36 p.

9. Savenkov A.N. (ed.). *Criminal Law of the Russian Federation*. Moscow, Prospekt Publ., 2022. Vol. 1. 728 p.

10. Vostokov A.A. (ed.). *Drafts of the Criminal Code of 1754-1766*. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1882. 208 p.

11. Nettelblatt D. *The initial foundation of universal natural jurisprudence, attached to the use of the foundation of positive jurisprudence*. Moscow, 1770. 479 p.

12. Dilte F.-G.. The study legal about the place belonging to the court, about the judiciary, about the position of a judge, about petition and judicial evidence with the General Regulations with the Charter of the Chief Magistrate, and with the instructions of the city magistrates, the Word Court and the Guild, with the Charter of customs old and new, their confirmations and with the instructions of the Commerce College with all decent decrees everywhere, composed in favor of students of jurisprudence Moscow, 1779. 152 p.

13. Tomsinov V.A. The First Professor of the Law Faculty of Moscow State University Philip Henry Diltthey (1723-1781). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 2015, no. 2, pp. 3–20. (In Russian). EDN: RTUKZF.

14. Langer K. *The word about the origin and property of the highest criminal court and that the use of onago should be reasoned according to the different state of citizenship and according to the intention that people should have in punishing*. Moscow, 1767. 26 p.

15. Foinitskii I.Ya. *Fraud under Russian law*. Saint Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1871. 289 p.
16. Bezverkhov A.G., Korostelev V.S. *Draft Criminal Code of the Russian Empire of 1813*. Samara State University Publ., 2013. 192 p.
17. Yakob L.G. *Natural and folk law for gymnasiums of the Russian Empire*. Saint Petersburg, 1817. 71 p.
18. Tsvetaev L.A. *Brief theory of laws. Parts 2 and 3. Containing the theory of criminal laws and the theory of legal proceedings of civil and criminal cases*. Moscow, 1810. 75 p.
19. Tsvetaev L.A. *Outline of law theory*. Moscow, 1816. 577 p.
20. Kunitsyn A.P. *Natural law*. Saint Petersburg, 1818. 164 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эдуард Викторович Георгиевский – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Юридического института. Иркутский государственный университет. 664082, Россия, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10; SPIN-код: 8354-4905.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard V. Georgievsky – Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law of Law Institute. Irkutsk State University. 10, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, Russia, 664082; SPIN code: 8354-4905.

Поступила в редакцию / Received 07.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised 19.11.2024

Принята к публикации / Accepted 20.12.2024